

ПЬСКАЯ ПРАВДА

3 марта 1993 г.

СМЕ.

Узники «Матросской тишины» уже в Токио

ГАСТРОЛИ

Улыбка Табакова вот уже месяц озаряет оживленный токийский квартал Сибуй. Афиша расположена перед входом в один из недешевых универмагов. По шести его торговым этажам планирует изысканная публика, тонко разбирающаяся в продукции Диора и Кардена. Нагуляв аппетит, идут на седьмой — ресторанный — этаж. Ну а эстеты поднимаются еще выше гурманов — в театр. Здесь звучит русская речь, а если повезет, в фойе можно увидеть русского мэтра в костюме персонажа «Матросской тишины» Мейер Вольфа, беседующего с корреспондентом «Комсомольской правды».

— Олег Павлович, что вам Япония?

— Япония для нас в значительной степени — терра инкогнита. С точки зрения нашей, театральной, — это езда в неизвестное. Если же смотреть под углом зрения социально-экономическим, то Япония — огромный рынок всего того, что производит культура. И хорошего, и дурного. Рынок, который прилагает максимум усилий, чтобы получить товар первоклассный. Они могут заблуждаться, и я вполне допускаю, что театральная студия с улицы Чаплыгина — это не самый лучший русский театр. Но в том, что они хотят получить лучшее, им отказать нельзя. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на то, что они едят, на чем они ездят, как они строят. И как они помнят, что не на них жизнь кончается.

Одна моя приятельница, тоже человек театра, сказала: «Если хочешь поехать на гастроли в Японию, поставь Чехова. Вот я каждый раз везу «Лебединое озеро». И каждый раз они меня приглашают снова».

По всей вероятности, тут срабатывает стереотип: они хотят иметь все лучшее. Если «Лебединое озеро» — лучший в мире балет, то подать сюда «Лебединое». И никаких им не надо новаций. Потому что неизвестно, получилась новация или нет. А в отношении «Лебединого» сомнений быть не может.

Первый раз в Японии я был года четыре назад с Художественным театром. Был дней десять. Впечатлений много. Как говорил покойный Анд-

рюша Миронов, это даже не 21-й, а 22-й век.

Нынешний мой приезд — четвертый, и уже не все так ошарашивает в этой стране. А повод к поездке — гастроли нашего театра-студии. Их организовала компания «Парко», владеющая крупнейшими супермаркетами. У компании «Парко» есть департамент культуры, а в департаменте культуры — управление театра и зрелищ. Вот они и позвали нас приехать сюда со спектаклями. Я иногда думаю: когда же ГУМ, ЦУМ, Серпуховский и Марьиногорский торги объединятся и создадут департамент культуры?

Мы привезли три спектакля. Это Гоголь, Гончаров в переложении Виктора Розова, Александр Галич. Кроме прелести получения суточных в свободно конвертируемой валюте, наверное, в силу того, что костлявая рука голода не душит меня за горло, мне бы хотелось, чтобы наш визит носил в определенной степени культуртрегерский характер. Чтобы японцы, привыкшие к пьесе Чехова «Три сестры» или, максимум, к «Вишневному саду», узнали бы, что есть нечто и менее значительное в российской литературе.

— Таким образом, вы пошли на риск?

— Да, но я это делал сознательно. Впрочем, в одном спектакле я безусловно был уверен — в «Матросской тишине» Галича. Мы дважды возили его в Америку, где он был надежно апробирован. Что касается «Обыкновенной истории» — «шагом камикадзе» с моей стороны было то, что уже здесь, в Японии, я решил ввести себя на роль дядюшки.

«Ревизор», поставленный Сергеем Газаровым, изначально представляется очень смелым. Помните, как тот еврей, услышав, что Эйштейн приехал в Японию читать лекции о теории относительности, спросил: «И вы с этой хохмой приехали в Токио?» Так вот мне думается, что мы не без оснований приехали с нашей хохмой в Токио.

Если говорить о результате, то, по-моему, мы получили то, что заслужили. Первые

три дня у нас был аншлаг, дальше дело пошло на убыль — собиралось меньше половины зала. Но теперь количество зрителей с каждым днем увеличивается. Это важно, а не рецензии, которые до сих пор были комплиментарны.

Всегда важно не только то, как тебя встречают, но и то, как тебя провожают. Не знаю, дают ли мне, что называется, в долг или оценивают по заслугам, но следующие гастроли уже предложены. Более того, до 96-го года расписан план моих семинаров для знакомства японских актеров с тем, что мы называем методологией обучения актерскому делу по системе Станиславского.

— Извините, а кем это все расписано?

— Компанией «Парко», тем самым департаментом культуры.

Мне интересно наблюдать японцев на занятиях. И известные актеры, и начинающие — у них огромное желание научиться. Они не боятся быть смешными, нелепыми, несовершенными. Они платят довольно большие деньги за учебу и учатся исто-во.

— Олег Павлович, вам нравятся, когда вас называют сэнсэем?

— Да какой я сэнсэй? Принято у них, вот они и называют. Японцы, если уж на то пошло, не то что сэнсэем — национальным достоянием меня величают. Но это ведь просто потому, что они добрые, гостеприимные люди. Во всяком случае от своих учеников в Москве я не буду требовать, чтоб меня так называли.

— А нет ли опасности, что Москва будет вас видеть все реже и реже?

— Нет. На моих плечах лежит ответственность и за ребят, которые работают в театре, и за студентов школы-студии МХАТ — я ведь еще и ректор. Меня не бывает в Москве месяца три в году. Иногда даже больше. Но, вы знаете, я не с пустыми руками возвращаюсь.

Н. ЦВЕТКОВ.
(Наш соб. корр.).

Токио.